УДК 94(470.55)»1930/39» + 82.02(470.55)(091)
ББК Ш5(2)6-32

Н. С. Журавлева

РУКОВОДСТВО РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В 1930-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

N. S. Zhuravleva

A GUIDE TO REGIONAL OFFICES OF THE UNION OF SOVIET WRITERS (THE CHELYABINSK REGION AS AN EXAMPLE)

В статье рассматриваются взаимоотношения между областными отделениями и Правлением Союза советских писателей. Автор анализирует специфику создания и деятельность челябинского отделения Союза в 1930-е годы.

Ключевые слова: *советская литература, челябинское отделение Союза советских писателей, бюро областных комиссий, начинающие писатели*

The article discusses the mutual relations between the regional offices and the governing body of the Union of the Soviet Writers. The author analyzes the specificity of the formation and the activity of Union's Chelyabinsk office in 30-s.

Keywords: *Soviet literature, Chelyabinsk Branch of the Union of Soviet Writers, Bureau of Regional Commissions, the new writers.*

Несмотря на то, что Первый Всесоюзный съезд писателей (август 1934 г.) инициировал создание региональных отделений Союза советских писателей (далее — ССП), поначалу правление не уделяло значительного внимания организационным вопросам. Это во многом происходило от того, что «…после съезда писатели занялись устройством своих личных дел: покупкой машин, строительством дач, многие… уехали в творческие командировки или в отпуск и т. д.»[1]. Очень скоро, по мнению В. Антипиной, Союз превратился в «обычную бюрократическую организацию с материально-бытовым уклоном»[2].

Однако более позднее создание челябинского Оргкомитета ССП по сравнению с другими регионами объяснялось совсем другой причиной. До 1934 г. Челябинская область входила в состав Свердловской, а значит, челябинские писатели являлись членами Свердловского Оргкомитета, возникшего в декабре 1932 г. Реорганизация области потребовала создания в Челябинске собственной структуры: в декабре 1935 г. возник Оргкомитет, официально утвержденный Правлением ССП 19 января 1936 г.[3].

Почти одновременно в городе возникло Челябинское государственное издательство (далее — Челябгиз). 21 марта 1936 г. вышло постановление СНК РСФСР № 259 «Об утверждении филиалов ОГИЗа», где упоминался и челябинский[4]. И это неслучайно. Советское государство стремилось использовать писателей в качестве проводников «культурной революции», а их функции идеологической поддержки власти без массового книгоиздательства лишались бы действенности. Москва прислала поэта Э. А. Шиллера, ставшего и первым председателем Оргкомитета, и первым директором издательства. Между тем уже вскоре стало ясно, что он не справился с поставленными задачами, о чем неоднократно челябинцы сообщали Правлению. Причины неэффективности его работы носили объективный характер и объяснялись запоздалым созданием организации: нет ответственного секретаря, работа ограничена случайными встречами писателей с издательством, нет систематической работы, нет помещения, нет денег и даже сметы.

Очевидно, что для управления периферийными авторами требовалась особая структура — областной сектор ССП, возникший в декабре 1934 г. Его работники сразу столкнулись с серьезной проблемой — неизвестностью самих писателей и их произведений. Поэтому на первый план выдвинулись рецензирование и консультации. Так, в 1935 г. сотрудники сектора подвергли разбору 200 произведений 123 авторов. Публикация рецензий в столичной печати также провозглашалась приоритетной формой работы. Если в 1933 г. вышло 33 рецензии, то в 1934 г. — 65 и в 1935 г. — 100[5]. Сектор также гарантировал, что лучшие произведения начинающих авторов будут публиковаться в издательствах «Советский писатель» и Гослитиздат. В частности, из челябинцев такой чести удостоился в 1935 г. роман И. Т. Коробейникова «Застоинцы».

Между тем без личных контактов с писателями деятельность областного сектора ССП была малопродуктивна. Для этого к каждому областному отделению прикреплялись московские писатели. Например, челябинцев поручили С. И. Пакентрейгеру и И. А. Рахтанову, правда, это произошло только в 1938 г. При этом безнадзорными они оставались совсем не долго. Уже в апреле 1936 г. Челябинск и Магнитогорск посетили критики И. Л. Френкель и Б. Я. Гроссман. Они осуществили консультирование авторов, организацию литактива при газете «Сталинская смена», беседы с литкружками ЧТЗ, Станкостроя и первой образцовой школы; выпуск литстра-

ницы в «Челябинском рабочем», просмотр портфеля литературного альманаха Челябгиза. И пришли к выводу, что никто не руководит литкружком ЧТЗ, не ведется консультаций ни в издательстве, ни в газетах. Челябинский горком не следит за работой литактива, а «у ряда работников неправильная точка зрения — они думают, что нужно "импортировать" писателей из Москвы для постоянной работы»[6].

И все-таки приезд москвичей действительно встряхнул местные литературные силы, активизировал работу, что, в частности, отразили литературные страницы «Челябинского рабочего» за 1936—1937 гг. Но визиты из Москвы не всегда вызывали положительные эмоции. Так, Б. С. Ицын вспоминал, что в сентябре 1936 г. приехали писатели Я. З. Шведов и Н. В. Богданов. Они начали с того, что потребовали с завода 1000 рублей за свой вечер. И это не единичный случай, когда заезжие гастролеры пытались заработать на громком звании московского писателя[7].

Нередко творческие командировки на периферию становились для столичных писателей значительной статьей дохода. К примеру, Пакентрейгер в 1939 г. за рецензирование книги В. А. Савина «Косотурские художники» (26 печатных листов по 10 рублей за лист) и альманаха «Стихи и проза» (15 листов по 15 рублей) получил 485 рублей. Рахтанову за 2-недельное консультирование заплатили 890 рублей[8].

Однако эпизодические визиты московских коллег в целом никак не влияли на ситуацию в регионах. Тем более, партийные и профсоюзные организации не стремились помогать литераторам. Зачастую их представители признавались, что не видят разницы между писателем и газетчиком. Литераторов эта ситуация не устраивала, что отразило обращение делегатов Первого областного совещания литературного актива Челябинской области 1—3 марта 1937 г. к председателю обкома К. В. Рындину: «Мы нуждаемся в помощи партийных, советских и профсоюзных организаций, а ее нет. Например, в работе совещания не принимали участия ни представители культотдела обкома ВКП (б), ни редакция "Челябинского рабочего" и оргбюро ВЦСПС, от которых мы вправе были ждать указаний, советов и практического руководства»[9].

Получается, что долгое время писатели «варились в собственном соку». Руководитель организации имел преимущества по сравнению с рядовыми членами и нередко злоупотреблял служебным положением. К примеру, В. А. Светозарова, сменившего Шиллера на посту председателя, обвинили в том, что он «…проявил себя как не совсем аккуратный к деньгам. Выписал незаконно себе командировочные, оплачивал квартиру в Магнитогорске. Тесть Светозарова, работая бухгалтером Оргбюро, способствовал неправильным проделкам своего начальства»[10].

Судя по многочисленным документам того периода, подобные явления были типичными. Так, в «Литературной газете» — официальном печатном органе ССП — в порядке обсуждения опубликована статья ответственного секретаря Кировского отделения А. Алдана[11]. Он писал, что существуют десятки областных отделений, которые расходуют огромные средства (не менее 1—1,5 млн руб.) на помощь молодым писателям. Но за последние два года из них выдвинулось всего 2—3 человека. Автора возмущало, что при огромных тратах — такие ничтожные результаты. Причиной этого он назвал раннюю профессионализацию писателя, который отрывается от трудовой среды и стремится зарабатывать на жизнь лишь литературным трудом. Большинство из них превращаются в «матерых литературоделов», которые много пишут, но ничего не печатают, но становятся чрезвычайно активными, когда дело коснется вопросов личного благополучия.

Статья открыла полемику в «Литературной газете» по вопросу, нужны ли вообще областные отделения ССП. Сам автор аргументировал свой отрицательный ответ тем, что их функции более эффективно будут осуществлять редакции альманахов, вокруг которых обычно и группируются начинающие писатели. Никаких ссуд и путевок они давать не должны. Для творческой связи на местах предлагалось выделить уполномоченных (членов ССП), которые будут осуществлять эту связь в порядке общественной работы.

Эту инициативу поддержали авторы передовой статьи «Повседневно руководить областными организациями»[12], которая уже расценивалась как руководство к действию. В итоге летом 1937 г. правление ССП принимает решение коренным образом изменить систему управления региональными отделениями: коллегиальное руководство (правление) заменили институтом уполномоченных правления ССП. Это означало усиление контроля со стороны Москвы, что проявилось, скажем, в необходимости согласования творческих отпусков с Секретариатом.

В челябинской организации эти новшества никоим образом не разрешили внутренних противоречий: избранные уполномоченные так и не успели вступить в должность. В. Ф. Губарев и В. А. Макаров один за другим были репрессированы, что еще больше дезорганизовало писателей. Кроме того, из-за ареста ведущих авторов (Б. А. Ручьева, Губарева, М. М. Люгарина и др.) в организации не осталось ни одного члена ССП. Выход из сложившейся ситуации южноуральцы видели в возможности приезда московских коллег. Невозможность самостоятельно разрешить этот вопрос заставила их в очередной раз обратиться за помощью к обкому ВКП (б). И вскоре завкультпроп В. Патрушев написал 28 января 1938 г. генеральному секретарю ССП В. П. Ставскому о тех затруднениях, с которыми столкнулись челябинцы, и просил прислать из Москвы писателя хотя бы на несколько месяцев[13]. Такой высокий авторитет столичных писателей Рахтанов объяснял молодостью авторов, для которых слово опытных литераторов было очень весомым. Однако приезжавшие в этот период З. И. Факторович (Фазин), А. Л. Хмара (Банквицер), Пакентрейгер, Рахтанов обещали помочь, но ограничились только рецензированием.

В Челябинске сложилась парадоксальная ситуация: на протяжении двух лет формально не было отделения ССП, зато существовали писатели, которые продолжали заниматься творчеством и публиковаться в печати. Этот литературный актив из-

брал временное бюро, которое так и не приступило к работе из-за отсутствия юридического статуса, а значит, и финансирования.

Многие областные писатели испытывали похожие трудности. Они объяснялась не только репрессиями и особенностями социалистической модернизации в стране, но и тем, что институт уполномоченных просуществовал недолго. Само Правление ССП оказалось не готово к реорганизации системы и не разработало стратегию управления периферией. Высланная на места инструкция носила декларативный характер без всякого инструктажа. Об этом неоднократно сообщали писатели с мест, в частности, из Куйбышева[14]. Вскоре Правление ССП заменило уполномоченных коллективным руководством на местах. Его секретарь А. А. Фадеев подразумевал следующее: «… усилить роль и значение редколлегий альманахов, укрепить их наиболее талантливыми писателями. Исходить нужно по примеру московских издательств, созданных при местных изданиях. В качестве совещательных органов созданы художественно-редакционные советы, в состав которых должны входить, кроме директора издательств и редакторов художественной литературы, местные писатели»[15].

Между тем в Челябинске такое положение дел существовало де-факто уже несколько лет. По причине отсутствия формально организованного отделения ССП местные писатели группировались вокруг Челябгиза. Благодаря издательству авторы имели возможность получить гонорар за публикацию, а также консультацию редактора. Инициатива проведения и руководство почти всеми мероприятиями литературной жизни области в конце 1930-х гг. принадлежала работникам издательства. Так, за 1937—1940 гг. вышло шесть номеров альманаха «Стихи и проза», были созваны два областных совещания начинающих писателей (1—3 марта 1937 г., 30 декабря 1938 г.).

Несмотря на то, что региональные отделения ОГИЗа сразу оказались под жестким контролем, полностью финансировались из центра и подвергались цензуре со стороны Главлита, редактор все-таки имел возможность издать произведение того или иного автора. Однако с 1939 г. запрещаются публикации без предварительного просмотра рукописи в Москве, что повышало уровень зависимости областных писателей от центра. Это обстоятельство больно ударило по их материальному достатку и самолюбию. К примеру, так называемое «Челябинское дело» 1939 г. вызвало серьезный резонанс и потребовало вмешательства Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) в лице Т. И. Антропова.

После рецензии Е. В. Златовой ОГИЗ запретил четвертый выпуск альманаха «Стихи и проза». У рецензента сложилось впечатление, что составителям с трудом удалось набрать материал на 200 страниц текста, «довольствуясь отрывками, глядя сквозь пальцы на низкое качество и надеясь выгадать на тематической остроте произведений»[16]. Возмущение челябинцев отразило их письмо заведующей издательским управлением ОГИЗа Е. Смородинской. Ей предложили «не пытаться администрировать, ни делать скоропалительных выводов, а руководить нами так, как требует партия»[17]. Рецензенту же советовали ознакомиться с указаниями А. А. Жданова, «ибо, как видно, в рецензии, Златова как раз относится к той категории псевдоморалистов, а в жизни чаще всего ханжой, о которых говорил в своем докладе на XVIII съезде партии т. Жданов»[18].

Обращение к более высокой инстанции — Правлению ССП — не заставило себя долго ждать. Его секретаря Фадеева просили «помочь нам доказать товарищам из ОГИЗа, что их распоряжение и рецензия имеют мало общего с линией партии в руководстве начин. писателями»[19]. Подобное обращение к партии как высшему арбитру давно уже превратилось в примету времени.

Логика конфликта требовала очной ставки, и на созванном в Москве 23 июня 1936 г. заседании бюро областных комиссий противоборствующие стороны смогли встретиться. Большинство участников согласились с рецензией Златовой, признав, что доля вины лежит на редакторе альманаха. Златову упрекнули в том, что она не имела права делать административных выводов: рецензия — только ее личное мнение. Письмо челябинцев признали хулиганским, а их метод — недостойным звания советского писателя.

Очевидно, что этот конфликт между челябинскими писателями и Правлением ССП назревал уже давно. Резкий тон письма определялся неопределенностью положения организации. В 1939 г. возникло отделение ССП и филиал Литфонда. В Литфонд приняли 6 человек, а в писательскую организацию не успели. Доходило даже до того, что в течение года «челябинских писателей не забывал только какой-то досужий канцелярист из Литфонда. С упорством достойным лучшего применения требовал статистических отчетов несуществующего в Челябинской области отделения Литфонда» [20]. Однажды на горизонте появился еще один представитель ССП М. А. Дыкман — бухгалтер-ревизор Литфонда, он собрал писателей и стал решать организационные вопросы, не имея на это никаких полномочий.

В многократных обращениях к Правлению ССП источником своих бед челябинцы называли отсутствие финансирования: «…мы не имеем ни копейки денег на оргработу. Бюро не может выехать в районы области, ни вызвать кого-либо в Челябинск, ни оплатить консультирование произведений. У нас нет ни клуба, ни угла, где мы могли бы собраться»[21]. Они жаловались, что бюро даже не может заказать печать и штампы, а сами писатели не состоят в Литфонде, хотя производят какие-то отчисления с опубликованных произведений. Поэт Т. В. Тюричев работает на заводе и руководит союзом в рамках общественной нагрузки. «Приходится удивляться, как они работают, по сути, не имея ни откуда никакой поддержки»[22], — отмечал в отчете Пакентрейгер.

Л. Я. Шапиро — один из членов бюро областных комиссий и руководитель оборонной комиссии ССП — причины сложившегося положения видел в следующем: «Когда были уполномоченные, в Челябинск тоже был выделен. На него была доверенность и пр. С того времени, очевидно, и осталась там печать и все прочие формальные признаки,

Отделения там не может быть юридически потому, что нет членов Союза. Мы никогда и не называем эту организацию отделением, а называем литературной группой»[23].

Судя по документам, челябинским писателями накануне Великой Отечественной войны так и не удалось восстановить утраченный статус официальной организации ССП.

Таким образом, начальный этап в истории челябинского отделения ССП пришелся на вторую половину 1930-х гг., непростое для Советского государства время, переживающего процесс своего становления. Переходный характер эпохи вносил неопределенность, как в личную, так и в профессиональную жизнь подавляющей части советского общества. Союз советских писателей так же, как и государство, переживал процесс институционализации, еще не выработал стратегию руководства областными отделениями. Трудности, с которыми столкнулись челябинские писатели, были типичными для всех региональных авторов: нехватка денег, отсутствие жилья, необходимость в повышении образования, страх за свою жизнь. Однако во многом именно эти факторы определили их стремление вступить в ССП, получить хотя бы минимальный набор социальных гарантий. Большинство советских писателей в этот период не стали профессионалами, а были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Помимо социальной неустроенности, факторами, усугубляющими их положение, следует назвать постоянный мелочный контроль и финансовую зависимость от центра, отсутствие квалифицированных кадров, а также творческую несвободу, вызванную необходимостью выполнять «государственный заказ».

Примечания

1. Цит. по: Из справки секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР об отношении писателей к прошедшему съезду писателей и к новому руководству Союза советских писателей // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. — М. : Международный фонд «Демократия», 1999. — С. 238.

2. Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. — М. Молодая гвардия, 2005. — С. 49.

3. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 35. Л. 30.

4. Золотов А. А. Мы жили тогда на планете другой… Челябинск : Челябинский Дом печати, 2004. — С. 124.

5. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 193. Л. 18.

6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

7. М. Альтшуллер, используя поддержку директоров заводов, заключил договор на выпуск трех книг промышленной тематики. Спустя три месяца сдал в Челябгиз рукописи, оказавшиеся настоящей халтурой. В итоге 4500 рублей списали как убытки (Борисов Н. Литературный проходимец // Челябинский рабочий. — 1936. — 15 авг.).

8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153. Л. 30.

9. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 220. Л. 5.

10. Там же. Л. 7.

11. Алдан А. Нужны ли областные отделения Союза писателей? В порядке обсуждения // Литературная газета. — 1937. — 5 июня.

12. Повседневно руководить литературными организациями // Литературная газета. — 1937. — 5 авг.

13. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 109. Л. 29.

14. Открытое письмо писателей Куйбышевской области в ССП о системе руководства областными и краевыми организациями Союза // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР : документы и комментарии. — Т. 1. 1925 — июнь 1941. — М. : РОССПЭН, 2010. С. 690—692.

15. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 268. Л. 75.

16. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153. Л. 44.

17. Там же. Л. 47.

18. Там же. Л. 43.

19. Там же. Л. 42.

20. Там же. Л. 25.

21. Там же. Л. 27.

22. Там же. Л. 148.

23. Там же. Л. 39.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

ЖУРАВЛЕВА Нелли Сергеевна, родилась в 1979 г., окончила Челябинский государственный университет (2001 г.), кандидат исторических наук (2004 г.), с 2005 г. — доцент кафедры истории России, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов: история литературных объединений Урала в 1920 — 1930-е годы, история Союза советских писателей, повседневная советских жизнь писателей. E-mail: 2679101@mail.ru

ZHURAVLEVA Nelly Sergeevna born in 1979 and graduated at Chelyabinsk State University in 2001. She has finished her Candidate of Science degree (PhD) in History in 2004. Since 2005 she is associate professor of Academic Department of history of Russia at South-Ural State University. Research areas: The history of Ural literary associations in 1920—1930, the history of Union of Soviet Writers, the everyday life of soviet writers. E-mail: 2679101@mail.ru